

© 2018 г.

Т. В. ЧЕРНИКОВА

ПАРАДОКСЫ ПЕТРОВСКОЙ ЕВРОПЕИЗАЦИИ

Татьяна Васильевна Черникова — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640001289-5

XVIII столетие вошло в русскую историю как время яркое и оптимистическое с точки зрения положения России в контексте мирового расклада сил. Из свойственных эпохе раннего Нового времени многочисленных войн Россия выходит победительницей, утверждая свой имперский статус и расширяя границы. На международной арене она выступает уже как великая европейская держава, а во внутренней жизни в течение всего XVIII в. присутствует тенденция к подъему. Причем эта тенденция доминирует как при отличавшихся государственными талантами монархах (Петр I, Екатерина II), так и при «слабых» правителях (Екатерина I, Петр II, Петр III). Процесс европеизации (вестернизации) увеличивает темп и расширяет свои формы все XVIII столетие. Европеизация стала одним из главных условий прорыва России в области науки, высокого искусства, быта и нравов элитарных социальных слоев. Успешность петровской европеизации выявила родство русской и общеевропейской культуры и ликвидировала стадиальный разрыв высокой культуры Западной Европы и высокой культуры России. Последняя стала одной из национальных форм общеевропейской культуры Нового времени.

Суть Нового времени определял процесс модернизации, в рамках которого средневековые социокультурные системы совершали переход к эпохе индустриальной цивилизации. Важно выяснить, что происходило в этой области в русской жизни XVIII в. Был ли совершен в отношениях государства и общества тот же модернизаторский переход, что случился с российской наукой и высокой культурой? Какую роль здесь играло западное влияние?

ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ ДОПЕТРОВСКОЙ ЕВРОПЕИЗАЦИИ РОССИИ

Сам процесс европеизации (вестернизации) не был новшеством XVIII столетия. С середины XV в. начался новый период русской истории, которому В. О. Ключевский дал название московского. Закончились удельные века с их альтернативными возможностями будущего для многих средневековых русских земель, которые в начале XII — первой половине XV в. создали различные социально-политические модели государственных объединений Южной, Юго-Западной, Западной, Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Московское княжество, утвердившись к концу XIV столетия в качестве главного политического центра великого княжения Владимирского, во второй половине XV в. превратилось в бесспорного государственного лидера всех частей Северо-Восточной и Северо-Западной «Ордынской» Руси. В 1480 г. Москва покончила с зависимостью от Большой Орды и постепенно в течение XV—XVII вв. лишила «другую Русь» — Русь Литовскую (западные, южные и юго-западные русские земли, входившие в великое княжество Литовское, с 1569 г. в Речь Посполитую) — каких-либо перспектив в деле консолидации «всей Руси». Хотя в XV—XVI вв. западноевропейские авторы, не говоря уже о польских и литовских, именно Литовскую Русь именовали «Русью», предпочитая называть

северо-восточные русские земли «Московией». Впрочем, у Московской Руси по ходу становления единого государства появилось и новое название — «Россия». Эта калька с греческого вошла во внутренний оборот после второго брака Ивана III с византийской царевной Софьей Палеолог, но употреблялось до конца XVII в. редко по особо торжественным случаям.

Московское государство во второй половине XV—XVII вв. отличало три характерные черты:

вплоть до начала петровских преобразований это была средневековая страна;

ей был присущ вотчинный уклад социокультурной системы, при котором государство в лице монарха являлось верховным собственником всей земли и ресурсов страны, а отношения великого князя (царя) и его подданных из всех слоев населения строились по линии «государь — холопы», вместо западного вассалитета здесь господствовали отношения подданничества;

европеизация (вестернизация), под которой мы понимаем постоянный и возрастающий с середины XV по конец XVII в. процесс заимствования военного, технического, административного и культурного опыта, происходящего от погибшей Византии до Литвы, Речи Посполитой и растущего по мере приближения к петровской эпохе прямого влияния западноевропейских стран¹. Последнее было вполне объяснимо, так как именно Западная Европа являлась эпицентром модернизационных явлений.

На наш взгляд, процесс европеизации играл в социокультурном устройстве России роль не меньшую, чем ее вотчинный уклад, выросший из особенностей развития Владимиро-Суздальского княжества XII — начала XIII в. и ставший безальтернативным здесь под воздействием 240-летнего владычества Золотой Орды и ее преемников. Европеизация стала одним из главных источников военной и внешнеполитической состоятельности России на международной арене. Использование различных европейских новшеств позволило средневековой Московии оказаться вполне конкурентоспособной перед лицом своих западных геополитических соперников (Ливонского ордена, Швеции, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой), противостоять Крымскому ханству, которое, будучи вассалом Османской империи, оказалось единственным успешным европейским наследником Золотой Орды. Освоение достижений европейской «пороховой революции» обеспечили России геополитическое доминирование над восточными татарскими ханствами и территориями, расположенными на просторах Северо-Западной Азии, русская колонизация которых успешно развивалась с конца XVI по конец XVII в. и превратила Россию в самую большую по территории страну мира.

Сама по себе европеизация (вестернизация) как явление многоплановое присутствовала не только в русской истории. Это явление могло принимать форму глубокого качественного процесса, в ходе которого социокультурные основы Европы раннего Нового времени в прямом смысле переселялись на другие континенты, как случилось с Северной Америкой или Австралией. Другой формой была трансформация в сторону западных образцов местных социокультурных устоев, что происходило с Японией и отчасти с Южной Африкой с конца XIX по середину XX в. О том же свидетельствует «экономическое (и добавим от себя, не только) чудо», продемонстрированное «азиатскими драконами» (они же «четыре азиатских тигра») Сингапур, Южная Корея, Гонконг, Тайвань. Если бы процесс европеизации России середины XV — XVII в. принял подобное течение можно было бы наблюдать изменение вотчинного уклада Московского царства в сторону западноевропейского феодализма или даже его перерождения в социокультурную систему Нового времени.

¹ См. подробнее: Черникова Т. В. Европеизация России во второй половине XV—XVII вв. М., 2012; *ее же*. Процесс европеизации России во второй половине XV — XVII вв. Дисс. ... д.и.н. М., 2014.

Однако в России второй половины XV — XVII в. мы имели дело с другим типом европеизации. Допетровская «вестернизация» была связана с механическим заимствованием чужих «новизн», что оставляло без изменения внутренние принципы организации русского вотчинного уклада. Эта европеизация была поверхностной, Россия не вышла из Средневековья и осталась вотчинным государством.

С точки зрения перспектив модернизации такая поверхностная европеизация играла очень противоречивую роль. С одной стороны, она создавала предпосылки модернизации, а с другой, мешала началу внутренней органической модернизации, так как давала доминирующему над обществом государству куда более простой и эффективный для него способ овладеть достижениями модернизирующейся Европы, без развития внутри России болезненных и опасных для вотчинного уклада процессов. Все это вместе взятое, если обратиться к сравнению из области астрономии, не превращало средневековую Россию в часть «планеты» модернизовавшейся Европы, но делало ее спутником западноевропейской цивилизации раннего Нового времени, составлявшим с ней единую сложную систему.

ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ И ЕВРОПЕИЗАЦИЯ РОССИИ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Для исследования XVIII в. важно ответить на вопрос: прежний ли характер, чисто поверхностный, отличный лишь числом заимствований, носил процесс европеизации России в XVIII в.? Или постепенно количество переходило в качество? Важно также понять: стремилась ли к качественным изменениям сама верховная государственная власть — инициатор европеизации России в прежние столетия? И если стремилась, то в каких областях?

В контексте такой постановки проблемы историю России в XVIII столетии можно разбить на три периода: петровское время (конец XVII — 1725 гг.), период дворцовых переворотов 1725—1762 гг. и эпоху Екатерины II. В настоящей работе мы затронем только эпоху Петра I, рассмотрев отношения его государства с социальной элитой и остальным населением в контексте восприятия западного влияния. Логично разделить наше исследование на две части. В первой — сделать акцент на «старое», т.е. продолжение прежнего опыта поверхностных заимствований при сохранении общественно-экономических и политических институтов вотчинного уклада. Во второй — проанализировать «новое», что вело к трансформации вотчинного уклада и закладывало предпосылки его дальнейшего свертывания. При этом, думаю, нет нужды пересказывать содержание всех хорошо известных реформ Петра I. Не будет затронута и культура, где модернизация была очевидной.

В XVIII столетие Россия входила как средневековая страна, которую с Запада «подпирали» европейские страны раннего Нового времени. Стадиальный разрыв России с западноевропейским миром определял стратегическую необходимость модернизации России, дабы в будущем она не оказалась аутсайдером европейского мира, который еще во времена Флетчера и Герберштейна обнаружил в ней державу «варварскую».

В первую очередь стоит сконцентрироваться на вопросе, что произошло со статусом государя-вотчинника, «хозяина земли русской»² в контексте отношений петровского государства с различными категориями российского населения.

«СТАРОЕ». ОТНОШЕНИЯ С ДВОРЯНСТВОМ ДО 1714 г.

Начнем с землевладельцев. Землевладельцами являлись частные лица (помещики, вотчинники), а также монастыри. В середине XV — XVII в. поместье воспринималось платой за службу и пользование им прекращалось с завершением

² Удивительно, но именно так охарактеризовал себя в переписи конца XIX в. даже последний российский император Николай II. См.: *Колпакиди А. И., Потапов Г. В.* Николай II. Святой или кровавый? Правда о последнем царствовании: за что расстреляли Николая Кровавого. М., 2017, с. 5.

службы. Правда, детям и вдове погибшего в бою или умершего дворянина оставляли на «прожиток» от половины до четверти поместья, а со времен Алексея Михайловича служилым людям по отчеству с согласия Поместного и Разрядного приказов дозволялось обмениваться между собой поместьями (даже менять поместья на вотчины и обратно) и выговаривать право сыновей на наследование отцовского поместья. Убогому служилому человеку, отставленному по старости или при потере боеспособности, вместе с его женой, малолетними сыновьями и незамужними дочерьми сохраняли малую часть прежнего поместного оклада. Подобные прецеденты не меняли общего правила — свободного распоряжения поместной землей государством по средствам своих органов: Разрядного и Поместного приказов, личного приказа или именного царского указа.

Вотчинная земля не имела столь явной связи с непосредственным несением службы. Служба со времен Ивана III являлась пожизненной сословной обязанностью всех служилых людей по отчеству — бояр, дворян и детей боярских. Однако вотчины в случае опал или государственной нужды так же легко конфисковывались царем, как и поместья, поэтому русская вотчина XV—XVII вв. не являлась безусловной собственностью. Ее отличие от поместья состояла в достаточно широком круге распоряжения. Вотчину можно было продавать, закладывать, наследовать, дробить между наследниками, оставлять в приданное, с определенными ограничениями передавать в монастыри на помин души. Возникли эти «вольности» как пережиток тех времен, когда древнерусская вотчины являлась аллодом. В XIV — первой половине XV в. по ходу утверждения вотчинного уклада в Северо-Восточной Руси природа вотчины трансформировалась в особую форму землевладения (не собственности!) служилых людей. Московское государство стремилось наращивать фонд поместных земель, а не вотчинного землевладения.

После переворота в пользу Петра в 1689 г. у близких к царевне Софье бояр и дворян все поместья и вотчины были конфискованы и большей частью переданы сторонникам Петра.

С начала XVIII в. прежнее деление категорий служилых людей по отчеству на родовитую знать (бояр), столичных дворян и провинциальных детей боярских в риторике петровских указов сменилось общим для всех названием «шляхетство». (Этот польско-литовский термин употреблялся в первой четверти XVIII в. чаще русского «дворянство», наверное, как дань прежнему доминированию именно польско-литовского «прочтения» западных новшеств, принимаемых в России, хотя в петровскую эпоху явно наступил период прямого общения с Западной Европой.) Введение нового обобщающего названия для служилых слоев отражало стремление власти к консолидации верхнего сословия, что, впрочем, произошло только в результате социальной политики Екатерины II (1762—1796). Тогда и термины «шляхетство» и «шляхтичи» в государственной лексике были окончательно вытеснены их русскими синонимами.

В петровское царствование с 1695 г. (с момента реального сосредоточения всех рычагов управления в руках Петра I) и до 1714 г. в русском законодательстве не появилось никаких новелл, изменяющих старый порядок взаимоотношений государства с владельцами вотчин и поместий, хотя на практике царь очень скудно жаловал поместьями дворян-новики, выходивших на службу, а также простолюдинов, получивших офицерские и статские чины. Последних появлялось все больше ввиду резкого роста численности русской армии и бюрократического аппарата. Стоит напомнить, что само по себе пополнение служилого класса выходцами из общественных низов было обычной практикой Московской Руси. Особенно ярко это проявилось в ходе Смуты и после нее. Новым здесь оказалось то, что денежное жалование, а не наделение поместьем, становилось для названной публики главным источником существования. Косвенно это отражало рост товарно-денежных отношений в стране, но субъективно было привычным для Петра I подражанием западноевропейской практике XVII—XVIII вв., где офицеры, солдаты, чиновники

получали денежное жалование, а не поместья. В итоге основная масса дворян-новобранцев оказалась безземельной, а представители среднего и мелкого потомственного дворянства не расширили своего землевладения.

В отличие от всех названных рядовых шляхтичей, близкое к царю его личное окружение, так называемые «птенцы гнезда Петрова», и ряд других ценимых монархом людей получили щедрое пожалование. «Родословный человек» фельдмаршал Борис Шереметев увеличил за счет государевых щедрот «штат» своих крепостных до 90 тыс. чел. Новоявленные крупные землевладельцы из числа незнатных и даже недворян, как Александр Меншиков (обладатель 100 тыс. крепостных), Павел Ягужинский, Петр Шафиров и некоторые другие составили круг новой аристократии. Однако в случае царской немилости петровские любимцы и все члены их семьи из числа старой или новой знати как правило теряли все свое состояние. Показательна в этом плане судьба одного из самых близких в 1695—1718 гг. к Петру людей Александра Васильевича Кикина. Выучившись в Голландии на корабельного плотника, этот в прошлом бомбардир и царский денщик из столбовых дворян стал первым главой Адмиралтейства. Ему были пожалованы крупные земельные владения, а в новой столице строился дворец (знаменитые Кикины палаты). Когда же обнаружилась его связь с опальным царевичем Алексеем, Кикиных лишили и многочисленных вотчин, и дворца, а Александра Кикина и жизни. А. А. Курбатов, главный «прибыльщик», глава Оружейной палаты, а затем инспектор Ратуши и начальник канцелярии Каменных дел в 1705—1709 гг., позже вице-губернатор Архангельска, оказался под следствием по обвинению во взятках и казнокрадстве, за что отрешен от должности в начале 1714 г., умер 29 июня 1721 г. до объявления решения суда (по закону грозил ему смертный приговор за хищения из казны более 16 тыс. руб.). Утратившего доверие князя Матвея Гагарина вообще повесили, все его вотчины и наследственные, и полученные при Петре, были конфискованы и розданы царем «в имения» новых владельцев.

Практика изъятия земельных владений дворян продолжалась в течение всего царствования Петр I (1682—1725) и не всегда для этого нужна была вина владельца, нужда государства в этой земле была решающим аргументом.

«НОВОЕ» ИЛИ «СТАРОЕ»? ЗАКОН О ЕДИНОНАСЛЕДИИ

Кардинальное новшество в отношениях «государь — землевладельцы» случилось в 1714 г., но характер его был отнюдь не в пользу формирования частной собственности шляхетства на землю, в европейском понимании права собственности.

Важные подходы по земельному дворянскому вопросу в 1714 г. Петр принимал дважды, весьма спонтанно и непоследовательно, что характерно в принципе для всех его преобразований, как показали исследования В. О. Ключевского, П. Н. Милокова, Н. И. Павленко, Е. В. Анисимова.

К 1714 г. уже устоялась замена поместных дач денежным жалованием для основной массы дворян, вышедших на службу после 1695 г., поэтому царь решил дать указания, как наследовать имения, полученные в прежние времена. 26 февраля 1714 г. в собственноручной записке Петра читаем: родители должны своевременно составлять завещания, где точно указывать какая доля их недвижимого имущества какому наследнику из сыновей и дочерей принадлежит. В случае смерти без духовной дележ должны производить государственные органы. Совершеннолетнему (по записке — достигшему 18 лет) брату по кончине родителей поручалась забота о сестрах до их замужества и младших братьях до их 18-летия. Он должен был кормить и одевать, а также «учить всех грамоте, а мужской пол и цифирному счету, также и наукам, к которым приклонность кто будет иметь». По достижении 18 лет братьями и при замужестве сестер каждому надо было отдать его «жеребий по духовной сполна»³. Никакие записи об отказах от доли недвижимости и прочего

³ Бумаги императора Петра I. СПб., 1873, с. 304, № CVIII.

наследства от несовершеннолетних не признавались законными. Данное распоряжение Петра отвечало старому обычаю обращения с вотчинами, указывало вроде бы на приравливание поместий к вотчинам и являлось безусловно заботой об интересах шляхетства.

А потом царь вдруг решил все переменить и усилить свои права государя-вотчинника («доминуса»), полностью отбросив старый вотчинный обычай и всякие «вольности» середины XVII в. в распоряжении поместной недвижимостью. При этом Петр осмыслил по-своему опыт западноевропейского майората.

18 марта 1714 г. царь составил текст, а 23 марта издал указ «О единонаследии»⁴. Им он окончательно ликвидировал прежнее различие вотчины и поместья, объединив обе формы под именем «частное имение шляхетства». Однако это «частное имение» нельзя было ни продавать, ни дарить, ни обменивать, ни закладывать или вкладывать, с него можно было только жить и служить. «Всем недвижимых вещей, т.е. родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместий, а также и дворов, и лавок не продавать и не закладывать». Подражая майорату, направленному против измельчания дворянских имений, Петр I ввел правило завещать имение только одному наследнику по выбору отца. В этом состояло отличие от западного майората.

В сравнении с прежними правами вотчинников и допущением «вольностей» помещиков в конце XVII в., о которых говорилось выше, это было огромное сокращение прав распоряжения дворянами своими землевладениями.

Наделение земель с крестьянами стало теперь наградой для отличившихся, которую выдавал только сам самодержец. Большая часть молодого шляхетства (и старого, и нового) по указу о «единонаследии» лишалась отцовского земельного наследства. Петровский указ объяснял: чтобы большую охоту имели к государевой службе, не укрывались от нее. Петр I стремился заставить дворян в службе видеть главный источник благосостояния.

Был установлен также строгий контроль за малолетними шляхетскими детьми. Государство вполне по-европейски требовало обучения их наукам (особый указ запрещал венчать неграмотных дворян), а главное — вело реестр своих будущих военных и статских пополнений. Недорослей собирали на смотры, оценивая степень их обученности и овладения начальными навыками военного дела. Если они к моменту выхода на службу не удовлетворяли ревизоров, петровская инструкция грозила списать недоросля в матросы, самое страшное место службы в тогдашнем дворянском понимании. (Указы, определявшие, куда пристраивать пойманных молодых гулящих людей, приказывали писать их в матросы или отправлять на каторгу, тем самым приравнивая обе «службы».) С петровского времени возраст выхода на службу дворянина-«новика» начал сдвигаться с 15 лет, как было принято в XV—XVII вв., к 17—20 годам. При Петре государственные органы не считались с мнением самих новиков или их отцов о роде службы. Посылали туда, куда считали нужным. Тон этот, далекий от западных принципов обращения с «благородными», задавал сам Петр. Отправляясь в Европу в 1697—1698 гг., он записал в «волонтеры» около 20 знатных юношей для обучения их мастерству корабельных плотников, без всякого их на то согласия и не боясь оскорбить столь «низким» занятием их отцов и дедов, многие из которых заседали в Боярской думе.

При этом, как и прежде, служба являлась обязательной пожизненной сословной обязанностью шляхетства с прежними правилами увольнения старых и калек, разве что после 1714 г. «частные имения» таких шляхтичей не сокращались в размерах и отставленный имел право завещать поместье одному из своих наследников. Ввиду бесконечных войн (без внешней войны прошли только 1697—1699 и 1724 гг.) основная масса дворян находилась постоянно в полках, отпуска давали редко, и даже те, кто не был на поле сражений, все равно находились в частях.

⁴ ПСЗ, т. V, № 2789.

В случае неявки шляхтичей на службу их имения подлежали конфискации. То же происходило в случае многих служебных проступков или лени. Произошла сильная интенсификация дворянской службы в пользу государства, при этом старая «добрая» традиция задерживать жалование, а порой и вообще не платить его по «бедности» казны никуда не делась.

Как мы видим, в вопросе «государь-вотчинник — шляхтичи-землевладельцы» никакой качественной вестернизации не наблюдалось, более того права государя-вотчинника были усилены. Вряд ли такой удар по интересам дворян-землевладельцев, компенсировался тем, что старомосковское именование служилых людей по отечеству «холопами государевыми» в правительственной риторике сменилось гордым — слуга государства, коим именовал себя и сам Петр. Но при этом петровское вотчинное государство только расширило контроль за шляхетскими земельными ресурсами и службой. В итоге, даже в фольклоре, подавляющее большинство памятников которого враждебно «плохим боярам», в петровское время появляются сочувственные песни:

...Занесло дружка великою погодушкою;
Не погодушкой — великою неволюшкою,
Неволюю.
Поднявольная наша жизнь боярская,
Жизнь боярская — служба государева,
Государева служба царя белого,
Царя белого, Петра Первого,
Тяжело служить служба день до вечера,
Что со вечера служить до полуночи,
Со полуночи служить
До часу девятого,
От девятого часу служить
До белой зари!⁵

Отсюда понятно, почему требование отменить ненавистный указ о «единонаследии», как и бессрочность службы, стали главными в шляхетских «прожектах» междущарствия января — февраля 1730 г. И здесь настоящую революцию в отношениях «монарх — дворяне» провел не Петр, а его племянница Анна Иоанновна, перед которой стояла задача утвердиться на троне. Она «услышала» шляхетство. В 1730 г. Анна отменила единонаследие и позволила дворянам свободно распоряжаться своими имениями — делить между наследниками, продавать, дарить, закладывать и т.д. По сути Анна создала в России частную собственность дворян на землю, а в 1736 г. ограничила обязательную службу 25 годами, что после окончания русско-турецкой войны в 1739 г. и начало исполняться. Все это и закладывает предпосылки трансформации в дальнейшем вотчинного государства в европейскую абсолютную дворянскую монархию.

Однако до «Манифеста о вольности дворянской» 1762 г., изданного от имени Петра III (1761—1762), шляхетство не имело статуса «благородного» сословия. Дворян, как и простолюдинов, можно было подвергать унижительным телесным наказаниям (битьем розгами, кнутом, батогами, шпицрутенами, пытать на дыбе и т.д.). В этом отношении вслед за Петром I не испытывали никаких «европейских предрассудков» ни его суровая племянница Анна Иоанновна, ни его веселая дочь Елизавета.

Вернемся, однако, в петровское время. В основе социальной политики Петра I в отношении шляхетства мы видим не заботу о сословных интересах дворян, а желание повысить мобилизацию этого служилого класса для решения тех задач, которые полагал главными государь-вотчинник. Если взять образный термин, ко-

⁵ Служба царская солдатская. — Исторические песни. Л., 1956, с. 234.

торый часто использовал В. О. Ключевский, то надо говорить о «закрепощении шляхетства».

Если взять образный термин, который использовался историками государственной школы сторонниками теории «закрепощения и раскрепощения русских сословий» (К. Д. Кавелиным, В. И. Сергеевичем, Б. Н. Чичериным, В. О. Ключевским), то, с нашей точки зрения, надо говорить, что закон о Единонаследии Петра I свидетельствует об окончательном «закрепощении шляхетства». Петр довел до логического конца линию поведения московских государей в отношении их служилого сословия. Среди историков права, включая современных, высказывалось мнение, что начало «закрепощения не только низших слоев населения, но и высших, «служивых», надо вести от Судебника 1497 г., изданного при Иване III⁶. Р. Г. Скрынников полагал, что сословная обязанность дворян бессрочно служить государю сформировалась к середине XVI в. «Господство государственной собственности, — отмечал Р. Г. Скрынников, — стало одним из главных факторов объединения страны в условиях, когда русские земли были разобщены экономически». Однако само «закрепощение дворянства» Р. Г. Скрынников приписывал не столько целенаправленной, закрепленной в законе государственной воле, сколько стихийному течению событий. «Государство в Московии не располагало ни регулярной армией, ни развитым бюрократическим аппаратом, ни полицией, ни системой тюрем. Оно не могло силой навязать господствующему сословию принцип обязательной службы с вотчин и поместий. Новый порядок был введен в России не путем насилия, а посредством своего рода “общественного договора”. Казна взяла на себя обязанность обеспечивать служилых людей и их детей государственными именьями — поместьями, а помещики приняли принцип обязательной службы с земли. Эти взаимные обязательства возникли на практике, не получив законодательного оформления. Но они стали фактом»⁷. Как мы видим, взгляд Р. Г. Скрынникова не отрицал приоритета государственного начала в социальной политике по отношению к дворянству, что вполне согласовывалось с мнением названных выше дореволюционных историков о том, что в России, как писал Б. Н. Чичерин, «в основании всего государственного быта легло начало обязанности, подчинения»⁸, государство было «исходною точкою для всего, и нуждалось в орудиях для своей деятельности»⁹. Специалист по истории русского дворянства А. В. Романович-Славатинский, рассказывая о насильственном перемещении родовитых семейств по составленному Петром списку из старой столицы в его детище Петербург, сравнивал этот исход знати с «переселениями крепостных крестьян из одного поместья в другое, по воле помещика»¹⁰.

Под жестким контролем государства находились и монастырские вотчины. Основы были заложены еще Алексеем Михайловичем, который создал по Соборному уложению 1649 г. Монастырский приказ. Этот орган, будучи светским, со штатом, назначенным царем, в вопросах суда стоял над приказами патриаршего управления. В пункте 1 главы XIII Соборного Уложения читаем: «А ныне государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, по челобитью столников, и стряпчих, и дворян московских, и городовых дворян, и детей боярских, и гостей, и гостиные, и суконные, и иных разных сотен и слобод и городовых торговых и посадских людей, указал Монастырскому приказу быти особно, и на митрополитов, и на архиепископов, и на епископов, и на их приказных и дворовых людей, и на детей боярских, и на их крестьян, и на монастыри, на архимаритов, и игуменов, и на

⁶ Прусская И. Я. Теория закрепощения и раскрепощения сословий. — Экономика, социология и право: журнал научных публикаций, 2013, № 1, с. 114. Также см. Недяк А. В. Теория закрепощения-раскрепощения сословий в государственной школе: Позиция С. М. Соловьева. — История государства и права, 2008, № 13, с. 4—7.

⁷ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 2005, с. 53.

⁸ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки, ч. 1. М., 1994, с. 60—62.

⁹ Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII веке. М., 2012, с. 339.

¹⁰ Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России (XVIII—XIX вв.). Киев, 1912, с. 151.

строителей, и на келарей, и на казначеев, и на рядовую братью, и на монастырских слуг, и на крестьян, и на попов, и на церковной причет, во всяких исцовых исках суд давати в Монастырском приказе»¹¹.

Хотя в главе XIII ничего не сказано было о праве царя использовать на государственные нужды доходы с монастырских вотчин, через Монастырский приказ часть этих доходов, по распоряжению царя, изымалось на государственные нужды. Это прекрасно иллюстрировало один из неписанных обычаев вотчинного уклада — государь выше любого Уложения.

Деятельность Монастырского приказа оказалась одной из причин столкновения патриарха Никона с царем. Низвержение Никона с патриаршей кафедры являлось закономерным торжеством царской власти.

Монастырский приказ действовал до 1677 г., когда был упразднен Федором Алексеевичем. Но это была не уступка патриарху Иоакиму (1674—1790), а скорее уловка в ответ на его критику деятельности Монастырского приказа. Судебные функции монастырского приказа были переданы приказу Большого дворца, а контроль за монастырским землевладением и доходами — приказу Новой чети.

27 октября 1700 г. скончался патриарх Адриан (1690—1700), нового предстоятеля Русской православной церкви царь избирать не велел, назначив местоблюстителем патриаршего престола Стефана Яворского¹². В 1701 г. Петр Алексеевич воссоздает Монастырский приказ и ставит во главе него И. А. Мусина-Пушкина, одного из ближайших к себе людей. (Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, как и Меншикова, Петр, бывая в добром расположении духа, устаивал обращения «bruder» (братец). Мусин-Пушкин был одним из последних, кому царь в 1698 г. пожаловал уходящий в прошлое чин боярина.) Теперь все монастырские вотчины были поделены на «определенные», средства с которых шли на содержание церкви и духовенства, и «заопределенные». С последних Монастырский приказ переправлял доходы в казну. Незадолго до смерти Петра 14 января 1725 г. Монастырский приказ был упразднен, а право распоряжением монастырскими владениями отошло Синоду, созданному в 1721 г.

Стремление к сохранению вотчинного государства и права заметно в отношении Петра к законодательству. Отнюдь не случайно, что он, столь решительный поклонник западного опыта, «не увидел» устаревшего и противоречащего западноевропейскому в Соборном Уложении 1649 г. и не предпринял ни единой серьезной попытки издать новое Уложение, соответствовавшее запросам Нового времени. Хотя для петровского царствования было характерно издание множества правовых актов — царских и сенатских указов, распоряжений Коллегий и прочих органов. Они часто противоречили друг другу и Уложению 1649 г. В собственноручной записке от 12 марта 1714 г. царь велит: «Дела судьям дела(ть) и вершить по Уложению, а по новоуказным статьям и сепоратным указам отнюдь не делать, разве (о) котором деле... не упомянуто в Уложении». В случае обнаружения новых указов, противоречившего статьям Уложения, «все старые оставить, а вновь не делать»¹³.

ПОЛОЖЕНИЕ КУПЕЧЕСТВА

Зная, какую видную роль сыграли в зарождении буржуазного уклада на Западе Европы бюргеры, стоит проанализировать, социальную политику Петра в отноше

¹¹ Соборное уложение 1649 года. М., 1961, с. 170.

¹² Получивший хорошее образование за границей Стефан Яворский принадлежал к «партии латинистов» внутри российского духовенства. Во времена Федора Алексеевича и регентства Софьи «латынщики» Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев ратовали за развитие просвещения, не чужды были пониманию ценности светских наук в отличие от консервативных «грекофилов», к которым относилось большинство отечественного духовного чина. Однако надежда Петра I увидеть в Стефане Яворском деятельного сторонника церковной реформы не оправдалась.

¹³ Бумаги императора Петра I, с. 304, № ССIX.

нии горожан. Горожан в России было не много — 3,2 % от общего числа жителей¹⁴.

Выстраивалась эта политика на фоне возросшего произвольного манипулирования со стороны государственной власти собственностью всех социальных слоев. Например, в ходе Азовских походов 1695—1696 гг. государству потребовался флот. Тут же был издан указ посадским людям и черносотным крестьянам Поморья, торговым людям гостиной и суконной сотен объединиться в «кумпанства» и построить на свои средства для государства 14 кораблей. А другие два «кумпанства», в которых Петр объединил дворян-помещиков с их крестьянами и церковь с ее крестьянами, строили корабли из расчета 10 тыс. владельческих крестьян строят 1 корабль, и 8 тыс. монастырских крестьян на один корабль. На эти колоссальные затраты труда и народных средств создали около сотни кораблей, странных конструкций (речное мелководье воронежской верфи не позволяло строить корабли обычных для Европы типов), отчего суда были ненадежны в морском плавании. Но главное даже не это, а то, что флот оказался «одноразовым». После взятия Азова 1696 г. он уже не применялся, хотя продолжал расти. После провала Прутского похода 1711 г. и возвращения Азова османам, малую часть азовской флотилии согласились купить турки, а большую пришлось уничтожить.

Петровское время стало настоящим бедствием для купечества. Усиление налогового гнета, принуждение купечества нести различные казенные службы (при таможнях, кабацких сборах и т.п.) в сочетании с обязанностью быть ответственными сборщиками налогов со всего податного населения с 1699 по 1708 г., объявление государственной монополией торговлю почти всеми прибыльными экспортными товарами (юфтью, щетиной, ревенем, пенькой и т.д.), а также введение монополии государства на торговлю солью и табаком внутри России — это только часть способов, примененных верховной властью к торговым людям для извлечения максимума денежных и иных средств для казны. «В первой четверти XVIII в. произошло разорение... наиболее состоятельной группы русского купечества — “гостиной сотни”, после чего имена многих владельцев традиционных торговых фирм исчезли из списка состоятельных людей. Грубое вмешательство государства в сферу торговли привело к разрушению зыбкой основы, на которой держалось благосостояние богатых купцов, а именно ссудного и ростовщического капитала»¹⁵. Ведомость о гильдейских купцах, составленная на 1715 г. сообщает, что только 16 из прежнего списка в 32 купца суконной сотни продолжают вести торг, остальные разорились, а из 226 членов гостиной сотни ведут торг и промыслы 104 человека¹⁶. Насильственный перевод внешней торговли из Архангельска в Петербург вкпе с приказом с 1714 г. использовать только «новоманирные» суда европейских конструкций¹⁷ добавили купцам расходов и нанесли сильнейший удар по успешно до этого развивавшемуся хозяйству Русского севера. Большим бедствием для тамошнего рыболовного и прочего промысла, связанного с морским хождением, являлись наборы в матросы молодых мужчин для службы на военном Балтийском флоте. Эмиссарам, занятым в Приморье рекрутскими наборами, петровские инструкции велели брать таких, «которые ходят на море за рыбным и звериным промыслом на коках, морянках и прочих судах», «чтоб были искусны в своем деле и не стары летами»¹⁸.

Попытки торговых людей уйти от дел, спрятать остатки отцовского состояния как сокровище, пресекались государством самым решительным образом. В первые годы Северной войны был издан указ, позволявший доносить на подоб-

¹⁴ История России с древнейших времен до 1861 г. Под ред. Н. И. Павленко. М., 1996, с. 265.

¹⁵ Анисимов Е. В. Петр Первый: рождение империи. — История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991, с. 190.

¹⁶ Павленко Н. И. История Петра Великого. М., 2006, с. 483.

¹⁷ Павленко Н. И. Торгово-промышленная политика правительства России в первой четверти XVIII в. — История России, 1978, № 3, с. 56.

¹⁸ Материалы для истории Гангутской операции, вып. 1, ч. 1: Грамоты, указы и письма Петра Великого 1713 г. Пг., 1914, с. 11, 51.

ного рода поведение. За правый донос доносчик получал треть спрятанных богатств, остальное шло в казну. Ключевский привел пример подобной конфискации. По доносу одного купца в 1704 г. в доме братьев Шустовых, жителей села Дединово на Оке, присланная из Москвы команда обнаружила между полами и сводами «4 пуда 13 фунтов червонцев да китайского золота и старых московских серебряных денег 106 пудов». Большая часть этих богатств была тут же изъята в казну¹⁹.

До 1720 г. мы не нашли свидетельств, которые указывали бы на то, что истощение сил купеческого сословия волновало центральную власть.

Лишь в конце Северной войны (1700—1721), когда ее итог был уже ясен, Петр I пошел на изменения торгово-промышленной политики. Указ о создании Главного магистрата (1720) приказывал, чтобы он, Магистрат, «сию рассыпанную храмину русского купечества паки собрал», а «Регламент Мануфактур-коллегии» 1723 г. декларировал ее задачу «распространение в империи Российской, к пользе общего блага» учреждение «мануфактур и фабрик, какие в других государствах находятся»²⁰. Пункт 7 этого «Регламента» позволял «каждому... какого б чина и достоинства кто ни был, во всех местах... мануфактуры и фабрики заводить», а также содержал еще ряд мер к развитию торговли и промышленного производства.

Правда, как и в случаях с дворянами — любимцами царя, отдельные купцы и посадские люди, попавшие в поле зрения Петра I и оцененные им, и до начала 1720-х годов получали «свое». От судьбы этих единичных удач происходит миф о петровской заботе в отношении купцов.

Среди счастливых, кому расположение верховной власти помогло выйти в «большие люди», был тульский оружейник Никита Демидов. После открытия в 1632 г. голландским купцом Андреем Виниусом с компаньонами Тульского железоделательного и оружейного завода, где мастерами и рабочими являлись выходцы из Западной Европы, в Туле и ее окрестностях сложился и круг русских кузнецов, владевших западноевропейским оружейным мастерством. Это произошло ввиду обязанности владельцев Тульского завода обучать оружейному делу местных мастеров. К концу XVII в. таких насчитывалось около тысячи. Они являлись ремесленниками. Но один из них, Никита Демидов, в 1695 г. основал небольшую частную оружейную мануфактуру по аналогии с тем, что завели некогда под Тулой голландцы. О том, как Демидова приметил Петр, сохранились лишь легенды. Якобы Петру об отечественном оружейнике, что не хуже западных, рассказал вице-канцлер Петр Шафиров, которому Никита починил иностранный пистолет да еще изготовил его копию. Царь приказал выдать оружейнику заказ на поставку трех сотен ружей в армию, с чем тот справился и попал в число петровских любимцев. Это гарантировало его мануфактуре особые условия, защиту от произвола местных и центральных начальников, а главное защищало от конкуренции с воссоздававшимися под Тулой на месте старых концессионных голландских заводов казенных мануфактур. В 1705 г. царским указом самостоятельные кузнецы-оружейники были объединены для работы на Тульском Казенном оружейном дворе. Понятно, что из мелких частных предпринимателей они превратились в работных людей государственной мануфактуры. В 1714 г. под Тулой был открыт еще один военный казенный завод. К 1720 г. на нем собрали 1200 кузнецов-оружейников. О масштабах производства говорит факт поставки этой мануфактурой в армию к 1721 г. 22 тыс. ружей. И у Никиты Демидова тоже дело шло. По жалованной грамоте Петра ему отмежевали бывшие стрелецкие земли под Тулой под новый завод и часть Щегловской засеки, где имелся уголь. Особой грамотой ему позволялось на свои деньги покупать еще землю под мануфактурное производство и приобретать для вывоза на свои заводы крепостных людей. Это был один из первых примеров создания новой категории крепостных крестьян, получивших название посессионных. При Петре купцам запретили дер-

¹⁹ Ключевский В. О. Указ. соч., с. 109.

²⁰ ПСЗ, т. VIII, № 4378.

жать за собой земли с крестьянами, но указ от 18 января 1721 г. позволил всем заводчикам покупать деревни и навечно прикреплять их к мануфактурам²¹. Позже с совета А. А. Виниуса (сына основателя первой тульской мануфактуры) Петр передаст в руки Демидовых казенные заводы на Урале.

Видя произвол и хищения, сопровождавшие чиновничье управление казенными мануфактурами, Петр во второй половине своего царствования принялся раздавать казенную промышленность в частные руки. При этом на новых владельцев (Строгановых, Демидовых, Гончаровых и пр.) налагали четкие обязательства: поставлять необходимое казне в нужных для нее количествах и по установленным государством ценам. Ряд «осчастливленных» царем купцов на таких условиях не хотел принимать казенный суконный двор в свое владение. Узнав об этом, царь написал доставить купцов в Москву под караулом и приказать: «Буде волею не похотят, хотя в неволю»²². Подобное «государственное регулирование» формально частной промышленности дополнялось изначально заложенной государством военной направленностью большинства действующих в России заводов, главным потребителем продукции которых являлись армия и флот.

Однако эта опека государства над промышленниками была лишь частью проблемы. Другую ее часть составила деформация социально-экономической природы мануфактур. Предприятия, буржуазные в XVII столетии, в первой четверти XVIII в. были превращены властью в крепостнические. Не имея достаточного числа свободных рук в крепостной аграрной стране с господством натурального хозяйства, государство сначала запретило уходить с заводов вольным работным людям (позже их приравняли к крепостным), а потом пошло по пути обеспечения казенных и иных заводов бесплатным трудом тысяч приписных и посессионных крестьян.

Учитывая размах казенного мануфактурного строительства при Петре I (более 150 заводов против 30 буржуазных мануфактур XVII в., открытых в основном купцами-иностранцами на праве концессий), приходится говорить о феномене русской крепостной государственной или государственно-частной промышленности. Крепостные мануфактуры, прекрасно решая тактическую, частную проблему своего времени — обеспечения армии и флота оружием, боеприпасами, снаряжением и прочим, однако слабо и уродливо решали стратегическую задачу промышленного развития России в целом. Не случайно В. О. Ключевский, мастер афоризмов, заметил, что «Петр I творил историю, но не понимал ее»²³.

Число проблем, порожденных крепостным характером петровских мануфактур (постоянное техническое отставание, низкое качество продукции, малая квалификация персонала, неспособность к саморазвитию, низкая конкурентоспособность с западными производителями, отрыв от нужд «гражданского» рынка и т.д.) может с успехом «померяться силами» с промышленными достижениями петровской эпохи (второе, после Швеции, место в мировом производстве чугуна, полное обеспечение армии отечественной продукцией и т.д.).

Таким образом, в 1682—1725 гг. произошло не изменение вотчинных принципов политики государства в торгово-промышленной области, а наблюдалась лишь смена акцентов. В результате верховная власть только усилила свое влияние на русское хозяйство. Эти процессы мало напоминали идущий в это время на Западе процесс модернизации экономики и становления буржуазного уклада, основанного на частной собственности и частной инициативе.

Несмотря на провозглашение заимствованных с Запада протекционизма и меркантилизма, методы и принципы проведения российским государством его экономической политики резко отличались от западноевропейских аналогов общения абсолютизма с дворянством и буржуазией, укреплявшейся на Западе Европы в недрах третьего сословия. В России буржуазии не было, петровская политика ее

²¹ Там же, т. VI, № 3711.

²² Там же, т. V, с. 137.

²³ Ключевский В. О. Соч. в 9 т., т. 9. М., 1990, с. 397.

не создавала. Вместо этого она создала небольшой социальный слой обласканных властью купцов-мануфактуристов, эксплуатировавших дешевый труд крепостных. Причем успех такого промышленного производства во многом зависел от покровительства высшей власти. Чуть позже появилась характерная тенденция — при потере правительственной протекции значительная часть таких купцов стремилась «переписаться» в дворяне. К концу XVIII в. упомянутые нами Демидовы, Гончаровы и Строгановы влились в число новой дворянской аристократии и отошли от промышленной деятельности.

Внешне городские реформы Петра I основаны на переносе на русский город западноевропейских институтов: магистратов, цехов, гильдий. На Западе эти институты имели истоки в развитии средневекового города. Но в России средневековые не выработало никаких аналогов этим институтам, поэтому они привносились на «голую почву» и насильно. Все горожане административным решением были поделены на две гильдии. В «первостатейную» вошли состоятельные купцы и горожане интеллигентных профессий. Во вторую были отнесены мелкие торговцы и ремесленники, приказом свыше в 1722 г. сплоченные в цехи по профессиям. (Создание цехов государство провело с одной исключительно целью: направить труд мелкотоварных производителей на удовлетворение все тех же военно-государственных нужд.) Обитателей посадов, которых власть не отнесла ни к первой, ни ко второй гильдиям, подвергли поголовной проверке с целью выявления в их среде беглых крестьян или просто праздно шатающихся по стране людей. Беглых отправили на прежние места обитания, а прочим нашли применение, призвав в армию или отправив на каторгу в качестве пойманных «лихих» людей.

Е. В. Анисимов справедливо отмечает в своих работах, что «деление на гильдии оказалось чистой фикцией, ибо проводившие его военные ревизоры думали прежде всего об увеличении числа плательщиков подушной подати». При раскладке подати по «мужским душам» не отменили старинной круговой поруки. В итоге состоятельные горожане платили за десятки, а то и сотни своих несостоятельных собратьев. «Этим самым консервировались средневековые социальные структуры и институты, что, в свою очередь, резко тормозило процесс вызревания и развития капиталистических отношений в городах»²⁴.

Столь же далеким от западноевропейского городского самоуправления оказалась утвержденная Петром I в России и система управления городами через Главный магистрат, которому подчинялись магистраты отдельных городов. В результате городской реформы 1720 г. был создан централизованный чисто бюрократический механизм управления городами, и чиновники магистратов были даже включены в Табель о рангах.

Как мы опять видим, заимствование западноевропейских форм и перенос их на русскую почву оказался чисто поверхностным. Петровские реформы городского сословия и преобразование управления им дали результаты совершенно не похожие на западноевропейские городские социальные и политические институты.

«НОВОЕ» В УСИЛЕНИЕ «СТАРОГО». КРЕСТЬЯНЕ И ВЛАСТЬ

Более 90 % населения России относилось к черным тяглым людям, среди которых крестьянская масса была подавляющей.

Из крестьянского населения в самой непосредственной связи с «хозяином земли русской» находились дворцовые крестьяне, тянувшие не только государево тягло, но и несшие дополнительные повинности (барщинные работы и оброки) в пользу царской семьи и дворцовых нужд. Дворцовые крестьяне были крепостными. В крепостное население входили также частновладельческие и монастырские крестьяне. В отличие от них до 1724 г. лично свободными пользователями государ-

²⁴ Анисимов Е. В. Указ. соч., с. 214.

ственной черной земли являлись многомиллионное тяглое черносошное крестьянство, пашенные люди Сибири, относительно редкие однодворцы.

Перемены в отношениях монарха-вотчинника с перечисленными категориями крестьян шли в течение всего царствования Петра, а качественное изменение положения всего российского крестьянства было зафиксировано законом в ходе введения подушного налогообложения тяглых слоев населения в 1724 г.

Строительство казенных мануфактур расширило крепостное право, создав, как уже отмечалось выше новые группы приписных и посессионных крепостных. Благодаря феномену государственной и частной крепостной мануфактуры вольные работные люди на этих заводах также вливались в число крепостных. Первоначально вольные работные люди не могли покинуть завод до истечения «урочных лет» (срока договора), за переманивание вольных мастеров с завода на завод виновному хозяину грозил штраф в 100 руб. за человека в год, а самих беглецов следовало наказывать, но не возвращать. Потом велели принимать в работные люди всех (включая и беглых) без «урочных лет», что означало приписку к заводу навечно. В отличие от частновладельческих крестьян вотчинное государство сразу объявило о невозможности продать приписных, посессионных и работных людей без заводов. В отличие от работных людей, приписные и посессионные не получали никакого вознаграждения за свой труд, он приравнивался к барщине, платить налоги государству и содержать себя эти категории крепостных людей должны были со своего земельного надела.

Положение владельческих крестьян при Петре I изменилось также в худшую сторону. Если Соборное Уложение окончательно прикрепило их к земле владельца, то теперь они стали прикрепленными и к самому хозяину. В XVII в. можно было продать вотчину с крестьянами, но нельзя было продать крестьян без земли. С петровских времен появляется обычай торговать крепостными в отрыве от земли, скопом и в розницу. В итоге ко второй половине XVIII в. крепостной уже мало чем отличался по своему положению от холопа XV—XVII вв., т.е. от раба.

Черносошный крестьянин XV—XVII вв. был человек свободный, живший на черной (государственной, «государевой») земле и «тянувший» в пользу государства тягло, включавшее как налоги, так и работы. Он был приписан к общине. А при даровании царем земли, на которой он жил, служилому человеку или монастырю, черносошный превращался во владельческого или монастырского крестьянина, полностью крепостного с 1649 г.

Петр I не проводил крупных земельных раздач основной массе шляхтичей и сокращал монастырское землевладение. Однако число владельческих крепостных росло за счет пожалований людям, близким к царской персоне. Ближайшие сподвижники Петра I — и «худородные» (А. Д. Меншиков, А. П. Румянцев, П. А. Толстой, П. И. Ягужинский), и «фамильные» — Б. П. Шереметев, Ф. Ю. Ромодановский, Б. А. Голицын), и «немцы» (Ф. Лефорт, П. Гордон, А. И. Остерман) и прочие всех происхождений и национальностей «птенцы гнезда Петрова» не были обижены. Крупнейшими после царя землевладельцами являлись князья Черкасские, Б. П. Шереметев и А. Д. Меншиков. Размер «крещеной собственности» каждого колеблется вокруг цифры в 100 тыс. чел. К примеру, за разгром Астраханского восстания Б. П. Шереметеву была отписана вся дворцовая Юхотская волость Ростовского уезда. При этом понятно, что в отличие от родовитых Черкасских и Шереметевых безродный Меншиков всех своих 100 тыс. крепостных приобрел только благодаря пожалованиям Петра. То же самое можно сказать о других петровских выдвиженцах из «подлых» сословий. Бывший крепостной Алексей Яковлевич Нестеров к 1715 г. дослужился до должности обер-фискала, имел пожалованные царем поместья в 16 уездах. Вообще только с 1682 по 1710 гг. и только из дворцо-

вого фонда любимцам царя было передано 273 волости с более чем 43 тыс. крепостянских дворов²⁵.

Параллельно и десятки тысяч черносошных крестьян из вольных людей становились крепостными. В русско-турецкой войне 1710—1711 гг. Петра I поддержал господарь Молдовы Дмитрий Кантемир. Провал Прутского похода заставил Кантемира с сыновьями, Константином и Антиохом, эмигрировать в Россию, где бывшему турецкому вассалу сразу было пожаловано 700 дворов на Слободской Украине. В итоге порядка 6 тыс. прежде свободных крестьян, именовавшихся казаками, превратились в крепостных князя Кантемира. А ведь официально до 1783 г. на Украине не было крепостного права. Свою политику в отношении черносошного крестьянства до 1724 г. Петр I строил исходя из старинного права вотчинного государства в любой момент перевести своих «черносошных холопов» в крепостной «чин».

В рамках налоговых реформ свобода передвижения всех крестьян, включая черносошных, строго ограничивалась государством. Черносошный крестьянин без «пашпорта», а владельческий без бумаги от помещика, обнаруженный более чем в 30 верстах от дома, считался беглым. В лучшем случае после порки его отправляли к прежнему месту жительства, в худшем — он оказывался в матросах или на каторге. Введя паспортную систему (аналога которой не было в Европе), Петр I подтвердил правовую невозможность для россиян без ведома и разрешения властей передвигаться по своей стране, что на долгие годы затормозило стихийное формирование рынка рабочей силы. В ходе территориально-административных преобразований и формирования полиции был создан механизм, который на деле сумел осуществить государственный контроль за миграцией населения.

Первый русский император значительно превзошел своих предшественников государей-вотчинников в масштабах применения труда черносошных и дворцовых крестьян для каких-либо государственных нужд, причем совершенно не связанных с сельским хозяйством. Петр I перебросил за сотни верст тысячи черносошных и дворцовых крестьян для строительства флота на реке Воронеж (1695—1696). Для возведения Петербурга или иного начинания такого рода петровское государство призывало на строительные работы столько черносошных и дворцовых крестьян, сколько считало нужным. На них ежегодно сгонялось по 17 тыс. крестьян. При этом власть совсем не считалась с тем, что строительные работы отвлекают крестьянина от его хозяйства и разорительны для последнего. Не говоря о том, что условия труда и его интенсивность влекла высокую смертность, при которой мало кто из работников возвращался домой. При постройке Петербурга умерло 100 тыс. человек. Призванного на строительные работы провожали с плачем, словно покойника. Это же относилось к взятым в армию новобранцам. Рекрутская повинность воспринималась как одна из самых тяжких, что нашло отражение в мемуарах русских и иностранных современников, а также в фольклоре начала XVIII в.

Тут сидит большой боярин,
По имечку Борис Петрович,
По фамилье Шереметев.
Он наборы набирает,
Солдатиков забривает.
Все солдаты стоят, плачут...

Это как же нам не плакать:
Наши домики пустеют,
Отцы матери стареют,
Малы дети сиротеют²⁶.

²⁵ История России с древнейших времен до 1861 г., с. 263.

²⁶ Набор в армию. — Исторические песни. Баллады, с. 464—465.

Одной из форм протеста крестьянства стало бегство от рекрутчины, с государевых работ и вообще с места своего постоянного жительства. Особенно это касалось регионов приближенных к театру военных действий и строительной активности государства. Так перепись населения от 1710 г. обнаружила, что в Смоленской губернии по сравнению с 1678 г. 20 % дворов стоят пустыми, а в черносозной Архангельской губернии — 40 %²⁷.

Но настоящим ударом по статусу лично свободных черносозных крестьян явилась налоговая реформа 1724 г., заменившая подворное обложение и многочисленные косвенные налоги подушной податью. Другим «новшеством» этой реформы оказалось превращение черносозных из свободных в крепостных, собственником которых выступило государство. Это видно даже по переименованию в 1724 г. черносозных крестьян в *государственных*.

«Суть плана состояла в объединении в одно юридическое и податное сословие разнообразных категорий некрепостного населения России. В число государственных крестьян вошли однодворцы Юга, черносозные крестьяне Севера, ясачные крестьяне — инородцы Поволжья, всего не менее 18 % податного населения. Важнейшим, определяющим признаком однодворцев — вчерашних служилых «по отечеству» — стало признание их тяглыми. Это навсегда закрыло им дорогу в дворянство, хотя часть из них имела крепостных, а землей владело согласно поместному праву. Вообще принадлежность к тяглым сословиям с тех пор означала непривилегированность, и политика Петра в отношении категорий, вошедших в сословие государственных крестьян, была ориентирована на ограничение их прав, сужение их возможностей в реализации тех преимуществ, которыми они располагали как люди, лично свободные от крепостной зависимости»²⁸.

Главное состояло даже не в росте объема налогового прессинга государства (хотя он в 1724 г. увеличился в 2 раза по сравнению с прежними налогами начала 1720-х гг.), а в качественном изменении общественного статуса ранее лично свободных людей. Социальное значение реформы 1724 г. было в том, что она стала новым (после Соборного Уложения 1649 г.) этапом развития крепостного права. Бывший черносозный должен был платить казне 74 коп. подушной подати с мужской души и еще 40 коп. оброка государству, т.е. нести перед государством ту же повинность, что и крепостной частного лица. В первой четверти XVIII в. частновладельческий крестьянин в среднем приносил хозяину 40 коп. годового оброка.) Все это дает, на наш взгляд, право рассматривать государственного крестьянина как крепостного государства.

С введением подушной подати связано исчезновение холопства на Руси. В 1724 г. всех холопов положили в оклад. Кстати, и вольных гулящих людей также положили в тягло и приписали к тому месту, где застигла их в 1718—1722 гг. перепись и первая ее ревизия в 1722—1724 гг. В 1722 г. в крепостную зависимость попали вольные работные люди мануфактур, они навеки стали приписными к своему заводу. Таким образом, к концу царствования Петра I не осталось ни одной группы трудового населения, которое бы власть ни пристроила к тяглу государственному или к тяглу государственному и владельческому одновременно.

В то же время русское крепостное сельское хозяйство демонстрировало адаптацию к экономическим процессам, которые происходили в странах, где начался процесс модернизации. Как и рабовладельческие латифундии Северной и Южной Америки, русское хозяйство, не меняя, а даже усиливая средневековые экономические отношения внутри, вписывалось в формирующуюся систему мировой экономики и даже заимствовало частично некий ее передовой технологический опыт. Только в Новом Свете инициаторами последнего выступали частные владельцы

²⁷ История России с древнейших времен до 1861 г., с. 249.

²⁸ Анисимов Е. В. Указ. соч., с. 213.

плантаций и рабов, а в России все шло через царский указ, для проверки исполнения которого посылались гвардейцы.

Так, к примеру, указ 1715 г. требовал сеять лен и коноплю по всем российским территориям, а в местах их традиционного возделывания увеличить производство вдвое. Причиной такой правительственной инициативы являлась необходимость обеспечить сырьем канатные и парусинные мануфактуры, продукция которых шла на военно-морские нужды, работала для победы в Северной войне. Импорт качественного сукна для мундиров обходился казне чрезвычайно дорого, а отечественное сукно, производимое на открытых государством суконных мануфактурах было низкого качества из-за плохого отечественного сырья. По инициативе Петра из Испании и Силезии были привезены породистые овцы, разведением которых далее по царскому указу занялись на Украине на крупных организованных властями овцеводческих фермах.

Часть подобных начинаний, инициированных государством, заглохла. Никакие воинские команды, посланные по царским указам надзирать, чтобы жатва велась косами, а не серпами не смогли заставить крестьян следовать этому увиденному Петром в Голландии и в завоеванных в Прибалтике остзейских провинциях методу сбора зерновых. Картофель, впервые привезенный в Россию при Петре I, также не нашел себе применения.

Однако армейские запросы, а также строительство корабельных верфей, казенных мануфактур, новой столицы Петербурга и базы флота на острове Котлин стимулировали спрос на продовольствие, кожи, фураж. В итоге наблюдалось повышение товарности крепостного сельского хозяйства, где главным стимулом в первой четверти XVIII в. выступил военно-политический интерес государства, а не органическое развитие экономики.

Приходится констатировать, что петровские европеизаторские начинания ни сколько не деформировали устоев хозяйственного и общественного бытия прежнего вотчинного уклада. Скорее перед нами феномен усиления его мобилизационных возможностей, за счет которых вотчинный уклад достиг апогея своей эффективности в достижении внешнеполитических целей государства.

В определении государственных интересов в субъективном восприятии Петра диалектически слились два противоположных начала: интуитивно усвоенное им право государя-вотчинника, наместника Бога на земле, а параллельно осознанная им западноевропейская идея о государстве, как инструменте, способном осуществить высший идеал общественного блага.

В идеологии европейского Просвещения абсолютный монарх представлялся главным слугой отечества. Именно в этой роли являет себя Петр в речи перед армией накануне Полтавской баталии 27 июня 1709 г.: «Ведала бо российское воинство, что оной час пришел, который всего Отечества состояние положил на руках их: или пропасть весьма, или в лучший вид отродиться России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себе быти за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский. А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние»²⁹.

Субъективное стремление Петра следовать такому пониманию своего гражданского долга всю его жизнь (за исключением двух эпизодов малодушия³⁰), готовность царя к самопожертвованию заставила «некоронованного короля» просвещенной Европы Вольтера в истории царствования Петра I, заказанной ему Екатериной II, видеть в российском императоре чуть ли не идеал прогрессивного европейского правителя. Вольтер полагал, что царь Петр I как первый слуга Отечества стоял куда

²⁹ Павленко Н. И. Петр Первый и его время. М., 1983, с. 67.

³⁰ Безоглядное бегство в Троице-Сергиев монастырь по получении 8 августа 1689 г. ложного слуха о движении войск Софьи на Преображенское и оставление в ноябре 1700 г. армии под Нарвой на произвол судьбы при вести о высадке шведского десанта.

выше своего противника короля Карла XII, призывавшего шведов перед началом Полтавской битвы помнить о чести своей армии, заслужившей славу лучшей армии Европы.

Однако наследие вотчинного уклада не дало русскому царю Петру Алексеевичу понять вторую сторону европейской идеи просвещенной абсолютной монархии, где общество есть равноправный партнер государства. Наследие московской средневековой государственной традиции с ее социальным институтом подданничества, а не западноевропейского феодального вассалитета, принуждает Петра I видеть в шляхетстве и прочих сословиях России лишь слуг, долг которых, как и у прежних «холопов государевых», в безропотном повиновении.

Трудно здесь не процитировать вывод-афоризм В. О. Ключевского. «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная»³¹.

ПЕТР I И РУССКОЕ ПОНИМАНИЕ ВОЛИ

Может показаться, что произвол служилого сословия, преследующего корыстные цели, как и произвол Петра I, государя-вотчинника, приносящего народное благосостояние в жертву великой цели превращения России в сильную европейскую державу, глубоко чужды простому российскому люду, стонущему в бесполезных челобитных, бегущему «в леса» и устраивающему старообрядческие «гари», воплощавшему свою мечту о добром государе в сказках о царевиче Нечае, а ожидание конца света в слухах о «царе Петре Антихристе».

Однако в реальности все было гораздо сложнее. В России в рамках вотчинного уклада права и обязанности сословий не были гарантированы ни обычаем, ни кодексом законов. Все были беззащитны перед лицом государя-вотчинника, который всегда стоял выше даже им самим продиктованного закона. (Достаточно вспомнить нормы Судебника 1550 г., принятого Иваном IV в период действия Избранной рады, и действия грозного царя и его опричного окружения после 1564 г.) Выстраивание общественно-политических связей по линии «государь — холопы» привело к невозможности формирования у русского человека понимания свободы как цивилизационной ценности в западноевропейском духе — в качестве некоего сочетания прав и обязанностей, гарантировавших в рамках средневекового феодального права или права эпохи абсолютизма раннего Нового времени относительную личную или сословную безопасность. Но в природе всякое действие рождает противодействие. Антиподом давления сверху у всех «холопов государевых» являлось стремление к «воле».

Эта ментальная и общественно-психологическая категория совершенно не тождественна «европейской свободе». Чаще всего она даже противоположна ей, так как в ее основе лежит не сочетание прав и обязанностей, позволяющих человеку в этих рамках чувствовать себя свободным или стремиться стать таковым, добившись неких прав и за это быть готовым на некие обязанности. Воля — это мечта об освобождении индивидуума от всяческих обязанностей — от подчинения отцу, начальнику, семье, общественному обычаю, закону и т.д. Родство воли и произвола не только в грамматическом происхождении этих слов. «Я пришел дать вам волю!» — этот разинский клич приводит к колоссальному произволу восставших. Астраханского воеводу бросили с башни, его малолетних детей повесили головой вниз. Восставшие стрельцы в мае 1682 г. волочат привязанного к хвосту лошади начальни-

³¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. — Соч. в девяти томах, т. VI. М., 1989, с. 203.

ка-«изменника» с криками: «Дорогу! Боярин едет!» При этом они присвоили себе право решать кто «изменник» и, чувствуя силу, желают, чтобы Софья увековечила их подвиги установкой на Красной площади каменного столпа с перечнем побитых ими «изменников», а попутно требуют переименования себя в Надворную пехоту с резким повышением ее жалования. Атаман Кондратий Булавин в 1707—1708 гг. зовет «чернь», казачью «голытьбу», «атаманов-молодцов, дорожных охотников, воров и разбойников... с ним погулять по чисту полю, красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить»³². Подобное «государственное регулирование» формально частной промышленности дополнялось изначально заложенной государством военной направленностью большинства действующих в России заводов, главным потребителем продукции которых являлись армия и флот. «Так заведение фабрики или образование компании становились службой по наряду, своего рода повинностью, а фабрика или компания получали характер государственного учреждения. Петр пользовался старым порядком, чтобы, перетасовав его условия, применить его к новым фискальным нуждам»³³.

Понятно, что в ординарной ситуации любой житель России может получить лишь частицу воли, урвать ее, что называется, внаглую, а чаще украсть потихоньку лишь ее каплю. Петровский выдвигенец из простолюдинов (Курбатов, Нестеров или Ягужинский, к примеру) творит тот же произвол, что и представитель столбового дворянства, а порой он (как опять не вспомнить Алексашку Меншикова) действует куда грубее, презирает всех нижестоящих, куда более фамильного человека, потому что прежде у него вообще не было воли.

Но в общественных представлениях вотчинного государства есть лицо обладающее всей полнотой воли от Бога — это царь. Его «полноты» было понятно уму, а главное душе любого русского человека. Царская воля воплощала наяву тайные мечты каждого, и каждый думал, что родись он монархом, он действовал бы также. Поэтому Иван IV не «Ужасный», как переводили его прозвание выходцы из Западной Европы, а «Грозный», и его фольклорный образ в корне отличен от фольклорного воплощения чистого злодейства — Малюты Скуратова.

И царь Петр I для большинства, не Антихрист из подметных листков староверов, а Петр Великий, вызывающий почти религиозное преклонение своей силой, суровостью расправы, презрением не только к жизни других, но и к своей собственной, как и к грозе войны, и к грозе самой природы. Царевич Алексей, отданный Петром I под суд и приговоренный к смерти, как и появившийся в 1722 г. и отвергающий все прежние отечественные традиции указ о престолонаследии, позволяющий российскому монарху назначать наследником любое лицо по его выбору, или длившийся по царской воле с 1700 по 1721 г. запрет на выбор патриарха, завершившийся отменой патриаршества и учреждением Св. Синода, где решающей персоной оказался светский обер-прокурор, — все это триумфы личной воли Петра I. Как и построенная им новая столица Петербург, поднявшаяся «на костях» из болот, это «окно в Европу» «на берегу пустынных вод». Пушкинское «Россию поднял на дыбы» — образ того же рода. Хотя сам Александр Сергеевич, как русский европеец и родоначальник подлинной классической европейской русской литературы, умом понимал первого русского императора по-другому: «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон»³⁴. И далее поэт продолжает свою мысль в примечании: «История представляет около него всеобщее рабство... все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось».

³² Миллюков П. Н. Указ. соч., с. 179.

³³ Ключевский В. О. Указ. соч., с. 108.

³⁴ Пушкин А. С. О русской истории XVIII века. — Собрание сочинений в десяти томах, т. VII. М., 1962, с. 192.

Изживание в менталитете каждого и в общественной психологии старорусского понимания «воли» являлось одной из главных задач европеизации и залога успеха органической внутренней модернизации России в Новое время. Однако эту задачу не выполнили ни петровские преобразования, ни весь XVIII «век просвещения и рабства». Неразрешенная в России вплоть до начала XX в. «политическая квадратура круга» Ключевского уходила корнями в ментальные ориентиры всего русского общества (от царя, «хозяина земли русской», — до последнего простолюдина).